

Кто-то очень маленький

Кто-то очень маленький сидел на широкой кровати и упрямо смотрел невидящим взором в темно-синюю лужицу растекшихся на белом кашемировом шарфе чернил. Наверное, если бы этот кто-то был раз в сто больше (или железная кровать меньше в сотню раз), то он бы болтал своими ножками и, наверное, нечаянно с его правой ноги слетел бы коричневый в белый горох башмак. Он бы лениво посмотрел в сторону одинокого башмака, упавшего на продранный зелено-красный коврик, а потом бы сразу выбросил его из головы и снова уткнулся взглядом в чернильное море. Только кровать была самых обычных размеров, а этот кто-то ну уж совсем крохотный. Если бы он сейчас попытался болтать ногами, то непременно ударил бы пяточками о матрас и, возможно, слетел бы с кровати на уже известный вам зелено-красный продранный коврик. А тогда его смог бы раздавить игрушечный слон (этот слон обычно стоит на обитом плюшем кресле, но сейчас кресло пустовало), который с легкостью помещается на детской ладони и весит не больше пяти граммов. Этот слон всегда пропадает как-то вдруг и совсем неожиданно, а потом дня через три кто-нибудь спросонья наступает на него, лежащего на боку на самой уродливой по форме потертости прикроватного зелено-красного коврика. Интересно узнать бы в каких неизведанных странах, континентах и галактиках пропадает серый тряпичный друг в эти три дня.

Но кто-то очень маленький и не думал болтать ножками. Он еще добрых полчаса щурил глаза на чернильную катастрофу белого кашемирового шарфа, потом, будто вдруг увидев что-то поистине мерзкое, он нахмурил бровки, поджал губы и, демонстративно сложив руки на груди, отвернулся в противоположную сторону. Там его взору предстал потрепанный учебник по истории зарубежного права, на глянцевого обложке которого красовался глубокий и неровный след от циркуля, протянувшийся из правого угла по диагонали до слова «зарубежного». Кто-то очень маленький поднялся на ноги и стал очень медленно и бесшумно подкрадываться к книге. На светло-зеленом покрывале стали появляться крошечные черные следы-точки от нечищенных коричневых в белый горох башмачков кого-то очень маленького. Когда через двадцать минут наитруднейший путь от центра кровати до ее правого края был преодолен с невероятным терпением, кто-то очень маленький благоговейно склонил колена перед учебником и пытался достать ручонками до циркульной раны, чтобы погладить обиженную историю зарубежного права по искаленной обложке. Но с его размерами он мог только достать до самого края обложки. Для того чтобы дотянуться до раны, нужно было залезть на учебник. Но топтать книгу ногами кому-то очень маленькому не позволяло какое-то очень большое и высоконравственное воспитание.

И тут в дверной проем вошла она. На фоне его коричневых в белый горох башмачков она казалось невероятно большой (хотя для нас с вами она показалась бы миниатюрной Дюймовочкой с ростом 145 сантиметров и весом 40 килограмм). Ей было не больше пятнадцати лет. Она остановилась в дверном проеме, ее губы подрагивали при каждом вздохе, а в глазах уже сверкали серебряные капли, готовые в

любую секунду покатиться по бледным щекам. Но она не плакала, она стояла в дверном проеме.

Кто-то очень маленький вдруг покраснел и опустил глаза. Он смотрел на белые горохи его коричневых башмаков и не смел поднять глаза, его больше не интересовала чернильная лужа, не интересовала его циркульная рана истории зарубежного права.

Кто-то очень маленький был не кем иным как каким-то невероятно большим отчаянием какой-то очень неизвестной худенькой девочки, стоявшей в дверном проеме.

Кто знает, каким будет оно, ваше отчаяние? Может, оно придет к вам в виде иссиня-черного чернильного пятна на белом кашемировом платке, а может, это будет серый игрушечный слон, лежащий на боку на самой уродливой из всех потертости зелено-красного коврика, оно может быть циркульной царапиной на учебнике по истории зарубежного права или, чего хуже, кем-то очень маленьким в грязных коричневых в белый горох башмачках, сидящем на светло-зеленом покрывале вашей кровати. А давайте я лучше взмахну волшебной палочкой, и вы никогда не узнаете, каким оно хотело прийти к вам, это какое-то очень большое отчаяние. Пусть его просто не будет. Я не волшебник, я просто гораздо больше люблю щурить глаза на солнце, чем слышать встревоженные крики отчаявшейся поймать в реке свой ужин чайки. Ну а так как я не волшебник, то и волшебной палочки у меня нет. Я не смогу взмахнуть ей для вас. Но я смогу сделать нечто гораздо большее: я попрошу вас не отчаиваться. Прошу вас. Не отчаивайтесь. Не надо.

Лучше щурьте глаза на солнце.